

Книги Андрея Васильева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Цикл
«А. СМОЛИН – ВЕДЬМАК»

**ЧУЖАЯ СИЛА
ЗНАКИ НОЧИ
ТЕНЬ СВЕТА
ЧАС ПОЛНОЛУНИЯ
ТЕМНОЕ ВРЕМЯ**

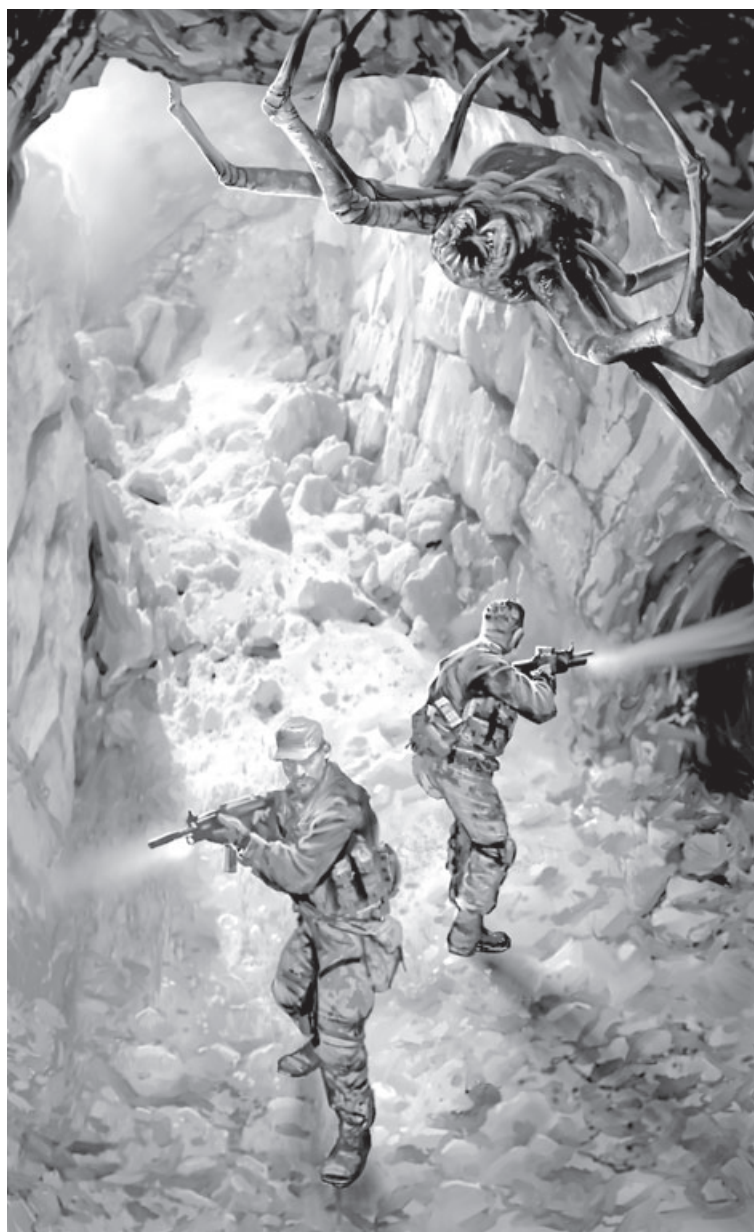
Цикл
«УЧЕНИКИ ВОРОНА»

**ЗАМОК НА ВОРОНЬЕЙ ГОРЕ
ГРОБНИЦЫ ПЯТИ МАГОВ
УЧЕНИКИ ВОРОНА. ОГНИ НАД ВОЛНАМИ
УЧЕНИКИ ВОРОНА. ЧЕРНАЯ ВЕСНА
СЕЯТЕЛИ ВЕТРА
ЧУЖИЕ НЕБЕСА
СОЛНЦЕ И ПЛАМЯ**

Межавторский цикл
«КОВЧЕГ 5.0»

Андрей Васильев
**МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ
ДОРОГИ СУДЕБ
ВРЕМЯ РОКИРОВОК
ФЛАГ НАД КРЕПОСТЬЮ**

Дем Михайлов
ЖИРДЯЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

— Хорошо, — сообщил мне Адамс и чуть повел удилище в сторону. — Очень хорошо. И главное, клев какой! У меня там, на той Земле, рядом с домом тоже река текла, Кутеней называлась. Широкая, быстрая. Вот только рыбы в ней не было совершенно. В ней вообще никто не водился с тех пор, как в нее начали отходы с заводов Томменса сбрасывать. Больше скажу — рядом с ней стоять и то опасно было. Берега даже специальной сеткой огородили, чтобы люди сдуру там не шастали, а потом не мерли как мухи.

— Кутеней? — Я прихлопнул комара на щеке. — Знакомое название. Только она же вроде в Канаде? А ты говорил, что родом из Айдахо.

— Реки — они текут, — назидательно произнес Адамс и для наглядности показал рукой на водную артерию, которая плескалась волной буквально у наших ног. — Ну да, исток ее в Канаде, но на этом ведь она не заканчивается? Кутеней — он длинный. И через Айдахо протекал, и через Монтану. О, гляди, гляди, опять клюет!

Мы сидели с Джоном Адамсом на берегу и ловили рыбу. Вот так, запросто, по-дружески, как наши предки лет триста назад.

Он вообще оказался славным мужиком, этот самый Джон Адамс. Я себе его представлял эдаким верзилой с бритым татуированным черепом, с бородой лопатой, в кожаной проклепанной куртке, лопнувшей на широченных плечах.

А вот и нет. Адамс роста был невысокого, имел небольшую седоватую аккуратную бородку и внешность умеренно выпивающего работяги откуда-то со Среднего Запада. Да и

одет он был куда скромнее, чем его спутники: потертая джинсовая куртка, растянутый свитер грубой вязки под ней и заляпанная какими-то пятнами бейсболка с обтрепанным козырьком.

Да, вот что еще забыл добавить к его описанию. Массивный револьвер сорок пятого калибра на боку, тот самый, что был известен на старой Земле как «Миротворец». Оружие, пережившее свое время и ставшее легендой.

Меня даже легкая зависть взяла — очень уж мощная машинка. И смотрится здорово. Хотя, конечно, для того чтобы из такой стрелять не в белый свет как в копеечку, а прицельно, немало патронов сначала надо сжечь.

Что же до внешнего вида Джона Адамса, я не был разочарован. Мне с ним не жить и детей не крестить, пусть одевается как хочет. И к тому же в общении он оказался более чем приятным человеком.

Сразу после того, как «Василек» пришвартовался у берега, Адамс безошибочно выделил меня среди всех, кто сошел с борта, и подошел первым, на ходу протягивая руку. Никакой настороженности, никаких дипломатических закидонов. Все просто и понятно.

— Я Джон, — сообщил он мне, стиснув мою ладонь. — Полагаю, вон те шустрые парни рассказали тебе обо мне?

И он с ухмылкой мотнул головой, указывая на Фрэнка, Рича и молоденького Майкла, которые стояли чуть поодаль и глазели на наш корабль. Нет, на самом деле там народу было побольше, просто остальные мне знакомы не были.

— Кое-что, — подмигнул я Адамсу.

— Не принимай это все всерьез, — посоветовал он мне. — Врут, паршивцы такие. Сами себе легенд обо мне напридумывали, а теперь в них верят.

— Вот прямо так? — с сомнением произнес я.

— Людям нужны герои, приятель, — упер руки в бока Джон. — Люди не хотят спасать себя сами, а потому должны верить в некую высшую силу, которая в последний момент придет к ним на помощь и потушит огонь под сковородкой, на которую определили их задницу. Сначала это был бог, потом его сменили Человек-паук, Халк и прочие марвеловские

супергерои, ну а последним таким прибежищем надежды стал «Ковчег». Теперь легенды рассказывают о нас. Обо мне, о тебе... Ты же в курсе, что про тебя травят байки у костра?

— Да ладно? — изумился я. — Я так популярен в Атомсити?

— Ты? Да с чего бы? — ухмыльнулся Адамс. — Про тебя там, кроме меня да еще десятка человек, никто не знает. Сдался ты моим бандитам... Нет, парень, о тебе травят байки там, где ты живешь. Просто ты нелюбопытный и с шилом в заднице, прямо как мой младшенький. Вечно бежишь, вечно спешишь, хватаешься за десять дел и ни одно до ума не доводишь. Тебе некогда остановиться и послушать, что говорят люди, а ведь ты для них уже стал легендой. Может, хорошей, может, и хреновой, но — легендой. Правды в этих рассказах нет ни на грамм, только это для людей не важно. Им просто нужно верить в то, что, когда совсем припрет, когда с них заживо кожу начнут сдирать, ты придешь и всех спасешь.

Вот тут я немного опешил. Похоже, мне начали читать нотацию. И потом, какая из меня легенда?

— Извини, приятель, — вдруг прервал свои речи Джон и положил мне руки на плечи. — Просто так долго живу, что, стоит только разговориться с сопляком вроде тебя или моих сыновей, сразу же начинаю ощущать себя папашей, который обязан поучить жизни недалеких юнцов, которые сами не знают, что творят.

— Да все правильно сказано-то, — вздохнул я. — А что сыновья? Я так понимаю, они не с тобой?

— Нет, — покачал головой Адамс, снимая с моих плеч ладони. — Они где-то здесь, в Ковчеге, но я не нашел их пока.

— Найдутся, — уверенно заявил я. — Да чего далеко ходить? У нас тут одна история была...

— Послушаю, — заверил меня Адамс. — Время у нас есть, так что наговоримся всласть. Но пока светло, дай я на твой кораблик погляжу, любопытно же. Пустишь на борт? Если нет — я пойму. Не обещаю, что не обижусь, но пойму. Времена такие, что людям веры нет, а незнакомым и подавно.

— Да не вопрос, — просто ответил я. — Тем более что на моей посудине секретов никаких нет. И так все рассмотреть можно. Павлик! Покажи господину Адамсу «Василек».

— Еще раз назовешь меня «господином», и я прострелю тебе голову, — пообещал мне лидер атомщиков, после чего без колебаний зашлепал по воде. — И это не шутка. Зови меня Джон, как между людьми водится. Можешь даже «папаша Джон», почему нет?

Он добрался до лесенки, которую подвесил на борт Павлик, и ловко вскарабкался на борт.

— Ого, — донесся до меня его голос. — Парень, скажу тебе так, в Атом-сити живет много девок, и добрая половина из них даст тебе хотя бы разок только по той причине, что таких ушей больше ни у кого нет. Девки, сынок, любят все необычное. А ты, мать твою, ну очень необычен! У нас таких не водится! Да что ты насупился? Я ведь хвалю, а не издеваюсь!

Папаша Джон увидел нашего Павлика. И правда, ушаст тот до невозможности. Не всякий слон подобной красотой похвастаться может.

Кстати, ох и зол я был на этого добра молодца всего-то полдня назад!

Дело в том, что в состав группы, которая отправилась со мной в рейд под названием «Дальняя разведка», этот ушлый (не ушастый, а именно ушлый) товарищ изначально не входил. Я хотел оставить его в крепости, на всякий случай. Просто он был единственным, кого Одессит успел хоть как-то выучить речному делу. В корабельном смысле — штурвал там вертеть, в гудок гудеть. Не факт, что в случае нашей гибели у семьи появится новый корабль, но вдруг? В любом случае в резерве должен иметься человек, знакомый с ремеслом капитана-речника. Вдруг Одессит во второй раз до нас не дойдет?

Так что сделал этот хитрец Павлик? Он пробрался на борт зайцем и очень ловко спрятался в машинном отделении. Даже дровами себя завалил, паршивец такой. И все это наверняка было сделано при попустительстве Одессита, зуб даю. Конечно же, после того как все вскрылось, дядя Жора делал

круглые глаза, мелко крестился и заверял меня, что он ни сном ни духом, но кто бы ему поверил?

Я чуть не отправил этого слонопотама Павлика обратно домой вплавь. А что? Поставил бы он уши как паруса под попутный ветер да как припустил вниз по течению!

Не то плохо, что парень стремление выказал. То плохо, что тайком да втихаря это сделал.

Но отговорили меня от применения репрессивных мер. Настя и Марика на пару за него впряглись, да и Голд под конец ладонью незаметно махнул: ладно, мол, пусть будет.

Я подумал-подумал и решил, что он прав. Идем мы невесть куда, может, подменный капитан — это не так и плохо. Опять же Павлик — это локатор на ножках, у него слух таковой, что мама не горюй.

Но ему я этого говорить не стал. Ничего. Пусть понервничает.

Собственно, вот я и перечислил почти весь состав нашей группы. Точнее, ее большую часть. Еще в нее вошли Джебе и Тор, которых я в последнее время старался держать как можно ближе к себе, Жека, счастливый от одного осознания того факта, что он наконец вырвался на волю из четырех стен, и конечно же Азиз. Куда я без него?

А, еще забыл упомянуть про Водяного. Он — чародей, один из тех, что мне в свое время Салех продал. У него очень полезный для наших нынешних дел талант — под водой умеет дышать. Пять минут без воздуха там выдерживает без проблем. Точнее, уже шесть.

Надо заметить, что этот самый Водяной меня немного удивил при нашем знакомстве. До того нам с чародеями как-то не везло. В том смысле, что никто из них доброй волей приобретенный талант развивать не хотел. Все они как-то безответственно относились к свалившемуся на них с небес дару. Ну есть он и есть. Придется — использую, а если нет, так и нет. Но чтобы целенаправленно совершенствоваться — это ни в какую. Правда, Милена еще в первой своей жизни как-то пообещала мне, что возьмется за ум, но почти сразу после этого она погибла. Но, если совсем начистоту, не сильно я ей тогда и поверил.

А вот Водяной — молодец. Тренируется, времени у реки много проводит, ищет пути того, как развить свои способности. И даже сегодня на «Васильке» время зря не терял, голову в ведро засовывал. Не знаю, будет от этого толк или нет, но сам почин дорог.

Да и мужиком он оказался хорошим, компанейским, что очень неплохо. В таком деле как наше микроклимат в коллективе сильно важен. Когда внутри боевой группы идут какие-то споры или склоки — добра не жди.

По этой самой причине Фиру я с собой брать не стал. Боец она хороший, но вот эта ее постоянная конфронтация с Настей... Не дело это.

Так вот, Водяной. Вообще-то взять его с собой посоветовал Одессит. Да-да, представьте себе, он таки сказал умные слова, а я взял их и положил себе в уши.

— Сам посуди, Сват, — втолковывал он мне. — Вот мы, к примеру, пробили днище. Ну что ты замахал руками, я ж говорю — к примеру! Это ж море... Тьфу ты, река. Короче, стихия, против нее не попрешь. И что тогда нам делать? Внутри вода, снаружи вода, а дырка где-то там, и ее не заткнуть ладошкой. Все поднимают себе нервы, девочки визжат, ты материшься, я вообще в панике. Но тут Водяной гордо стягивает с себя одежду, остается в одних штанчиках и уходит на дно, как некогда знаменитый «Титаник». И вот через пару минут мы уже знаем, где та подлая брешь, что она из себя представляет и надо ли нам кричать: «Мама, роди меня обратно!» Или вот другой пример...

И он меня убедил, после чего наша группа стала на одного человека больше. Хотя сам вариант с пробойной мне очень не понравился. «Василек» был зримым воплощением мощи нашей семьи, пусть и неказистым, если судить по меркам Старой Земли. Зато по местным критериям — более чем весомым. Более того — многими наш кораблик уже воспринимался как некое пусть и неодушевленное, но все же родное существо.

Кстати, Адамса наше судно тоже впечатлило. Он облазил его от носа до кормы, заглянул вниз, похлопал по кожуху пу-

лемет «Браунинг», покрутил штурвал, а потом, выбравшись на берег, сообщил мне:

— Умели в старые времена у нас в Штатах толковые вещи создавать, что ни говори. До тех пор умели, пока нацию к китайскому бараклу не приучили. Понятно, что это все «реплик», но «реплик» толковый, явно снятый с вполне реального кораблика тех времен. На таком небось мой прапрапрапрадед по Миссисипи хаживал. Корни моей семьи там, на Большой реке. В Айдахо-то наша семья в двадцать втором веке переехала, когда жить в Кентукки стало совсем невозможно.

Что мне понравилось — это была просто констатация факта, а не подводка к началу разговора на тему: «Почем продашь?» Даже тени этого вопроса не было в его голосе.

Ну а после мы уселись с ним чуть поодаль остальных и начали ловить рыбу. Вот так просто, без всяких круглых столов и тонких заходов на беседу. Его парни поставили на бережку два чурбачка, между ними умостили ведро с червями, копошащимися в земле, и пожелали удачи, а после отошли в сторонку.

Впрочем, мои люди тоже не теряли зря времени. Они шустро перезнакомились с парнями Джона, приволокли с «Василька» связку сушеной рыбы и бочонок с пивом, еще из тех запасов, что я в Новом Вавилоне сделал, и начали выпивать в их компании. По крайней мере, смех от большого костра, где сидела эта орава, доносился все громче. И это я не упоминаю про фразы достаточно двусмысленного содержания, явно анекдотического характера, которые то и дело долетали до нас.

Я, между прочим, мысленно себя раза три по голове погладил за то, что этот самый бочонок с пивом сберег. Как чуял. Два я тогда отдал в общий котел, а этот припрятал на всякий случай. И вот этот случай наступил. Если и был какой-то ледок между моими людьми и парнями Джона, то пенный напиток его растопил полностью. Слышали бы вы их дружное «WOW!!!», когда Жека небрежно предложил:

— Ну что, ребята, может, по паре пива с чем-нибудь соленьким?

Нет, все-таки пиво — оно сближает людей.

А вот мы с Джоном пива не пили. Мы по очереди время от времени прикладывались к бутылке с очень неплохим скотчем. Уж не знаю, где Адамс ее взял, но это был настоящий скотч, не синтетический.

— Ага! — Мой собеседник вытащил из воды приличных размеров сазана и с гордостью показал его мне: — Во зверюга какая! Весом добрых фунта три будет, не меньше!

Он, сопя, выдрал крючок изо рта рыбы и бросил ее в объемное ведро с водой, стоявшее неподалеку. В ней плескалась наша будущая уха.

— Красив, — согласился с ним я. — Но мой, что я до этого поймал, не хуже будет.

— Да ты спорщик! — засмеялся Джон, наживляя нового червя на крючок.

— Не-а, — помотал головой я. — Чего не люблю — того не люблю. В споре есть две стороны, и всегда одну из них занимает идиот, а вторую — подлец. Не хочу быть ни тем ни другим.

— А если сторон три? — уточнил Джон. — Бывает ведь и так, согласишься? Кто тогда третий?

— Умник, — подумав, ответил я. — Он подождет, пока те двое разберутся между собой, а после решит, что делать дальше.

— Правильно. — Джон махнул удилищем, а после устоялся на поплавок, застывший на водной глади. — Мне, когда про тебя Мэнси рассказал, так я сразу ему и заявил: «Этот Сват — он не дурак, похоже». И оказался прав. Да ты и сам это только что подтвердил. Вот только кто же мы тогда? Идиоты или подлецы?

Ловок, старый хрыч. Как он тонко подвел разговор к недавнему столкновению атомщиков и воинов Степи. Не придерешься.

— Вы победители, — ответил ему я. — А победителей не судят.

— Пусть так, — согласился со мной повелитель Атом-сити. — Ну так что дальше делать будешь? Что решишь?

— Двинусь вперед, — показал я рукой в сторону гор, которые высились совсем неподалеку. — Согласно ранее намеченному плану.

Смеркалось, и неширокий проход между скалами был почти уже неразличим, хоть до него было рукой подать от того места, где мы встали на стоянку. Но я достаточно неплохо его разглядел еще тогда, когда мы подошли к месту нашей с Адамсом встречи.

По рассказам Марики, которая несколько дней назад наведалась сюда на «зодиак», мне этот проход представлялся более широким, чего скрывать. Если говорить образно, это были не большие ворота, ведущие к дому, а некая калиточка, открыв которую можно попасть на задний двор.

Но никаких проблем это нам не должно было создать, по крайней мере визуально. Течение хоть и ускорялось немного, но не настолько, чтобы назвать его бурным потоком, а места для маневра «Василька» было более чем достаточно.

Не факт, что там, между скалами, все будет так же радужно, но, пока не заглянешь за дверь, не узнаешь, что находится в комнате.

Да и Одессит клятвенно заверил меня, что волноваться нам совершенно не о чем. Корабль слушается руля великолепно, плюс идем мы против течения, а потому, если что, сдать назад нам будет несложно. Единственное, чего он опасался, так это крутых поворотов, за которыми могут обнаружиться пороги.

Была у меня мысль взять с собой один «зодиак» и пустить его вперед, разведчиком, но после ряда раздумий я от нее все-таки отказался, поскольку каждое плавсредство на вес золота, а таким образом мы его и потерять можем, причем навсегда. Нет, лодку мы взяли в результате, но для других целей. На берег высадиться, еще что-то... Мало ли как там все обернется? Данная вылазка — это все-таки авантюра. Полезная, нужная, но авантюра. И я авантюрист. По-хорошему, я сейчас должен был какими-то полезными делами заниматься, как положено рассудительному и целеустремленному лидеру, а не плыть неведомые земли открывать.

Какими делами? Неотложными. Ну а как по-другому скажешь? Аванс владельца Рувима из Нового Вавилона отрабатывать надо? Надо. И, что более важно, нам позарез нужно свое влияние на берегах Великой Реки расширять. Требуется перебить наиболее мощные пиратские банды, прибрать к рукам то, что они успели насобирать, а затем поставить форпосты на наиболее значимых участках фарватера.

Наши форпосты. С нашими наместниками во главе. Соглашению с Рувимом это не противоречит ни в коей мере, так что тут ко мне не придерешься. Форпост? Форпост. Стоит надежно, функцию свою выполняет. А что контролируется моей семьей — так это частности.

Понятное дело, что некое «потом» все равно наступит. Но вот потом и поглядим, у кого зубы будут крепче.

Эх, если бы не его флотилия, которая нашу бьет при любом раскладе...

И самое главное — надо людей к рукам прибирать. Тех, что до сих пор по прибрежным кустам да лесам ховаются — кто от страха, кто от незнания обстановки, а кого и силком удерживают. Рабство в наших краях штука обычная, им уже никого не удивишь. Регресс не прогресс, человечеству дичать куда проще, чем цивилизоваться. Точнее, даже не дичать, а возвращаться к своим истокам, к тому укладу, который был естественным на Старой Земле в течение тысячелетий и который, как многие думали, стал историей.

Не-а, не стал. Достаточно было просто забросить тысячи тысяч людей нагишом в дикий мир и сказать им: «Ребята, теперь каждый сам за себя. Живите как кто сумеет», — и всё. Чихнула простудно мировая история да и вернулась на точку «ноль». А люди... Каждый выбрал тот путь, который показался ему верным. Кто-то попытался подгрести под себя все, до чего дотянуться смог, кто-то поднял руки, осознав, что ничего не хочет и не может, а кто-то, возможно, стал строить Империю. Пусть пока даже и незаметно для остальных.

А кто-то, как мы, попытался просто выжить. Но по возможности выжить с комфортом. И чтобы нескудно было.

И тем не менее — люди нам ох как нужны! Потому как это тот ресурс, на который распространяется правило «кто

поспел, тот и съел». Кто их первым к рукам приберет, того они и будут. Если мы — это одно дело. Если степняки — другое. А уж если кто из «городских» — то это вообще третье.

И тот, кто будет первым, тот сливки и снимет, в виде чародеев, мастеров и крепких ребят, готовых взять в руки оружие и попробовать завоевать свое место под солнцем.

Так что вся наша флотилия, включая даже пару плотов, отправилась на вольную охоту. Ну и в крепости еще одна лодка осталась, на всякий случай. И мне следовало бы находиться там, где решаются первостепенные стратегические вопросы.

А меня вон черт знает куда занесло. Нет, встреча с Адамсом — это очень важно, и провести ее надо обязательно, но после этого мне следовало бы загрузиться на плавательное средство и отбыть обратно в крепость, а не вон в тот проход, которого сейчас почти уже не видно. Точнее — совсем уже не видно.

— Хорошее дело, — согласился со мной Адамс. — Что же до моего вопроса... Я тебя понял, парень. И я рад, что ты понял меня. И больше на эту тему я говорить с тобой не буду, не вижу в этом смысла.

Он, не вставая с чурбачка, протянул мне руку, которую я без особых раздумий пожал.

Признаться, я не совсем понимал, какие именно выводы этот бородач сделал из моих слов, но судя по тому, что он протянул мне руку, а после и бутылку, из которой снова сделал добрый глоток, были они правильные.

— Мэнси говорил мне, что людьми вы не торгуете, — дождавшись, пока я глотну скотча, спросил Джон. — Это так?

— Так, — подтвердил я. — Не потому, что чистюли, просто работорговля — это такое дело... Если в него вляпаешься, то до дна уже недалеко.

— Ерунда, — заявил Адамс. — Товар есть товар, и не важно, как он называется — хлопок, виски, люди. Погляди на того парня. Вон на того, у которого пол-лица в татуировке. Это Харрис, он из Юты. Он умирал шесть раз и постоянно крайне неудачно воскресал. То и дело его кто-то да и пытался определить в колодки. И ни разу он не сдался. Он убивал тех, кто

пытался сделать из него раба, и сбегал. Причем шесть раз — это те, про которые я знаю. А так их, может, и больше было, просто не он убивал, а его убивали. Но и тогда, я уверен, он себя закабалить не дал. Сват, если в человеке живет раб, то его пробуждение только дело времени. Да что там — вспомни клерков из офисных центров, не думаю, что у вас в России они отличались от наших. Начальник чуть громче крикнул, штрафом пригрозил — все, тишина и покорность в глазах. И ты хочешь мне сказать, что это были свободные люди? По-настоящему свободные? Брось, приятель. Это были те же рабы, которых перепродавали хедхантеры. Вслушайся в это слово, дружище. Хедхантеры. Знаешь, откуда оно взялось?

— В курсе, — подтвердил я. — Проходил на уроках истории. Так называли людей, которые до вашей войны между Севером и Югом беглых рабов ловили.

— Вот! — Адамс засмеялся. — Так что не пытайся изменить естественный ход событий и не прикрывай свое нежелание что-то делать фальшивыми принципами. Не ври себе, парень. Мне ври, людям своим ври, это нормально. Вон той девице остроухой, что на тебя одним глазом косит постоянно, ей непременно ври. Просто такие, как ты или я, любить не умеем, а девчонкам обязательно надо хорошие слова говорить о чувствах, они тогда податливей становятся. Но себе не надо врать. Потому что если ты когда-нибудь все же поверишь в свою собственную ложь, то изменишь судьбу, и в этом случае добра от жизни не жди.

— Да ты философ, — без тени иронии произнес я.

— Нет, просто живу давно, — отозвался Джон. — А тебе это все сказал, потому что ты мне пришелся по душе. Само собой, что мы еще долго будем принюхиваться друг к другу, только полный идиот открывает душу перед незнакомцем, но первое впечатление есть первое впечатление. Мы сидим, говорим, выпиваем — и нам хорошо. Мне так точно. Это уже большое дело. Это означает, что прямо завтра мы не начнем друг в друга палить.

— Согласен, — признал я. — Но выпить — это полдела, надо бы еще и перекусить. Настя, уха сегодня будет или нет? Вон рыбы полное ведро!

Адамс расхохотался, а мгновением позже снова резко дернул удилище вверх.

— Ага! — заорал он, еле удерживая в руках вертящегося как юла скользкого карпа. — Еще один! Красавец какой!

— Не спорю, — улыбнулся я, поражаясь тому, как быстро меняется настроение у этого человека. Только что мудрые вещи говорил, а секундой позже уже радуется как мальчишка пойманной рыбе. — Пожалуй, что по общему весу улова ты меня уделал.

— Да ладно, — великодушно сказал Адамс, отцепляя рыбу от крючка. — В котле все одно будет непонятно, кто какую рыбину поймал.

Он склонил голову к плечу, хитро на меня глянул и заговорщицким тоном произнес:

— А я знаю, что ты сейчас обо мне думаешь. Ты думаешь о том, что я очень и очень странный тип. Может, даже маленько чокнутый. Ну, я же прав?

— Про чокнутого не думал, — как на духу признался я. — Но в целом... Да, все это как-то непривычно.

— Я понимаю, — произнес Джон. — По-хорошему, мы с тобой сейчас должны были бы поговорить о том, как будем торговать, о ценах на «горючку», которая есть у тебя, и на технику, которая есть у меня, обсудить пути взаимного развития, найти точки делового соприкосновения. А уж если учесть, что я американец, у которого, по идее, бизнес должен быть на первом месте, то шаблон и вовсе трещит по швам.

— И снова соглашусь, — кивнул я. — Что-то такое мне и думалось.

— А на самом деле все просто. — Адамс прищурился. — Сынок, еще сегодня утром я был в чистилище. В самом настоящем. Там у нас за горой именно оно, такое, как его в книгах описывали. Там есть пыль, ветер, жара и смерть, а больше ничего. Нет, я не жалею, ничего подобного. Прозвучит бредово, но нам всем там нравится, хотя бы потому, что там мы осознали, что такое настоящая жизнь. И теперь там наш дом, который мы ни на какой другой не променяем. Думаю, ты понимаешь, что я имею в виду?

— Предельно, — усмехнулся я. — Знаешь, у меня самого такой же дом есть. И мне тоже другого не надо. Больше скажу, я вообще уже не знаю, где мое существование реальной — там, на погибшей, но зато настоящей Земле, или здесь, в виртуальности.

— О том и речь. — Адамс снова отпил из бутылки, а после передал ее мне. — И особое удовольствие ты получаешь, когда из наших песков и жары ты попадаешь сюда, в прохладу, к воде, вот к рыбалке. Не хочется думать о делах. Хочется просто сидеть и смотреть на поплавок. Тем более и так ясно, что с тобой-то мы точно поладим. Ты не тот хитромудрый плосколицый, который сыплет витиеватыми выражениями и цитирует мудрецов с китайскими именами. С ним ни выпить нельзя, ни по душам поговорить.

— Ты про Салеха говоришь или про покойного Асланбека? — уточнил я.

— Да я сам его не видел, с ним мой помощник общался, — отмахнулся Джон. — Собственно, какая разница, кто из них? Восток есть Восток. Они пожимают тебе правую руку, а в левой уже держат нож, который всегда готовы пустить в ход. Мы еще первую сделку с этими кочевниками не провели, а я уже знал, что раньше или позже они убьют моих людей, вместо того чтобы заплатить за товар.

По всему выходило, что мне надо бы задать ему вопрос из серии: «А зачем тогда вы с ними торговали?» Но я ничего такого делать не стал. Просто не имело смысла что-то спрашивать. И так все ясно.

— Я же говорю — ты смысленый парень. — Адамс наклонился и хлопнул меня по плечу. — Понял, да?

— Лучше один раз устроить резню, чем сто раз напугать на словах, — утвердительно произнес я. — Потому вы и дали уйти части степняков, чтобы те и сами это помнили, и возродившимся рассказали, что к чему.

Не скажу, что, размышляя о бойне на равнине (по-другому это назвать было сложно), я не рассматривал такой вариант. Более того — к нему я и склонялся. Равно как и Голд, с которым произошедшее мы несколько раз обсуждали.

— Плюс добавь сюда еще один важный фактор, — назидательно проговорил Джон. — Единение людей. Все они теперь знают, что за одну смерть своего человека я возьму сто чужих. Это, знаешь ли, дорогого стоит. Я терпеть не могу политиканов, но в одном они правы на все сто — нация должна ощущать себя нацией. Если этого нет, то раньше или позже все скатится в хаос.

— Полностью согласен, — кивнул я. — У меня такой же подход к делу.

— Ну вот, я же говорю, что мы поладим. — Адамс потянулся. — Кровь Христова, как же хорошо-то тут.

— Не то слово, — сообщила нам Настя, пробегая мимо. Надо думать, рванула на «Василек» за специями для ухи.

— Ты знаешь, мне даже неловко, — сказал Адамс, вставая с чурбачка. — Почему? Просто выходит, что я тебя обманул.

ГЛАВА 2

Первая мысль, которая пришла в голову, это то, что сейчас Джон попросту меня пристрелит. Серьезно. У меня даже рука дернулась к кобуре. А что? Мы с Салехом не так давно в практически аналогичной ситуации, после мирной беседы и поедания жареного мяса, перебили почти всех его людей.

В этом мире убийство стало нормой вещей, вот такая штука. И другим, похоже, это место не станет еще долго. А может, и вовсе никогда. Причем поводом для того, чтобы спустить курок, может быть все что угодно. Например — «Василек». А ну как он Адамсу настолько понравился, что он решил меня здесь из-за него завалить?

А вот мне стыд и позор. Надо было пару человек на борту оставить, с оружием в обнимку, чтобы при подобном развитии событий они успели наш кораблик спасти от захватчиков. Один бы врага отсекал автоматным огнем от берега, а второй якорный канат перерезал. А дальше течение все за них бы сделало.

— Ну-ну, — выставил ладони перед собой Джон. — Не собираюсь я тебе в голову стрелять, успокойся! Вот ты нервный какой!

Мужчина он опытный и верно оценил мои телодвижения.

— А ты так не шути, — попросил я его. — Сам знаешь, места вокруг дикие, голливудские фильмы мы все смотрели и знаем, что за такими словами следует.

— Согласен, был не прав. — Адамс хохотнул. — Но если бы я задумал тебя прикончить, то смог бы это сделать. Я быстрее тебя, Сват, и это надо признать!

— Вот не факт! — Мне отчего-то стало обидно. — Если бы мы одновременно за оружие взялись, как на Диком Западе, то еще неизвестно, кто кому бы дырку во лбу проковырял! А так-то, внезапно, как агрессор, любой быстрее будет!

— Я же говорю — мальчишка, — весело подытожил Джон и подошел к самому краю воды. — И это здорово. Знаешь, мне иногда очень скучно бывает жить. Даже здесь, в этом мире, сумасшедшем и прекрасном одновременно, и то такая тоска иногда берет. Мир новый, а большинство людей в нем старые, всё стараются под себя подгрести побольше всего — одежды, жратвы, стволов... Даже не баб, Сват! Они разный хлам копят! Казалось бы — что здесь этим дерьмом заниматься? Вокруг все иное, не то что там, дома. Живи, сражайся, люби, зачем тебе это барахло, куда ты его девать будешь? Тут же денег — и тех нету. А они все тянут, тянут, тянут. В Черную пустыню не ездят, к Изумрудной топи не ездят, один только маршрут и знают — к Мусорным горам.

Кстати, я бы тоже в эти горы съездил. Насколько я помню из рассказов людей Адамса, это интереснейшее место, где среди неимоверного размера груд разного хлама можно найти много всего любопытного.

— Одно радует, — продолжал тем временем вещать лидер атомщиков. — Не все такие, есть еще те, в ком жив дух фронта, вот я их вокруг себя и собрал. А тех, ненасытных, в ярмо запряг. К делу приставил, проще говоря. Воду таскать, землю копать и все такое прочее. Не хотите жить как люди,

будете существовать как скот. Или как приманка для Стражей.

Стражи. Еще одно знакомое слово. Это те существа, которые охраняют залежи полезных вещей в Мусорных горах. На них мне глянуть не менее интересно, чем на сами горы.

— У нас в крепости тоже таких хватает, — вставил я словечко в монолог Адамса. — Правда, факт наличия таких особей меня совершенно не удивляет. Такова натура людская.

— Да это понятно, — отмахнулся Джон. — Но так иногда... А, ладно. Но вот ты, парень, ты не такой. Ты как мои обалдуи, вон те, которые у костра резвятся. В тебе кровь живая бурлит, я это еще по рассказам Мэнси понял, а сейчас и сам в том убедился. Только человек с изрядным шилом в заднице может плюнуть на спокойную жизнь лидера в хорошо укрепленном городе и рвануть в те края, о которых никто ничего не знает!

— Или полный идиот, — добавил я. — Ну если быть с собой честным, то эта версия звучит как наиболее верная.

Адамс расхохотался. Он вообще смешливый мужик, похоже.

— Ладно, так в чем ты меня обманул-то? — решил сменить тему разговора я. — Говори уж!

— Я ведь сказал, что о делах даже думать не хочется, — немедленно произнес Джон. — Но увы, увы, это не так. Никуда нам от них не деться, приятель. И есть у меня к тебе один важный разговор, который на потом не отложишь. Хочешь не хочешь, надо эту тему сегодня проговорить, потому как завтра будет поздно.

— А именно? — уточнил я.

— Возьми с собой одного моего парня, а? Туда, куда ты направляешься.

И Адамс махнул рукой в сторону прохода в скалах, который совсем уже скрыла ночная мгла.

— О как, — проникся я его просьбой.

— Понимаю, что просьба не слишком скромная, да и не слишком правильная, — негромко проговорил он. — Вы единое целое, команда, и принимать к себе человека из другого клана не очень-то хочется, тем более что, по сути, нас с вами

особо пока ничего не связывает, кроме одной заварушки и вот этих ночных посиделок. И все-таки прошу тебя, Сват, — пойди мне навстречу. Мне надо, чтобы мой человек увидел те края, которые начинаются там, где кончаются скалы Великого Каньона.

— Так вы что, до его пределов не доходили? — удивился я. — Это как же так вышло?

— Вот так и вышло, — помотал головой лидер атомщиков. — Никто и никогда до тех мест не добирался. А если и добирался, то обратно не возвращался. То ли там так хорошо, что людей назад не тянуло, то ли, наоборот, такая задница, из которой нет выхода. Но лично я полагаю, что туда, где кончаются скалы, просто-напросто никто вовсе и не дошел, отдав богу душу по дороге. Я сам как-то отмахал три десятка миль в ту сторону, а после повернул назад, поняв, что если продолжу путь, то тут мне конец и настанет. А умирать мне никак нельзя, даже ради того, чтобы понять, что там, за горизонтом находится. Черная пустыня, сынок, Черная пустыня. Страшное место, лютое. И чем дальше ты в нее заберешься, тем меньше вероятность того, что уцелеешь. В Мусорных горах и то себя комфортней ощущаешь, там хоть понятно, что где. Там — добро лежит, тут — Стражи бродят, мать их так. А в Черной пустыне никогда не знаешь, что тебя убьет — песчаная буря, жажда, змеи или просто Зло, зримое или незримое.

— Весело, — почесал я затылок. — Слушай, Адамс, а у вас там и впрямь интересная жизнь!

— Не без того, — с достоинством ответил Джон. — Но мне надо знать, что там, за этой гребаной пустыней! Я не успокоюсь, пока не буду уверен в том, что оттуда не нагрянет какое-нибудь дерьмо, которое в самый неподходящий момент ударит мне в спину. Сам же знаешь, что такие вещи всегда случаются тогда, когда и других проблем выше крыши.

— Что есть — то есть, — вздохнул я, припомнив свое возвращение из первого похода, когда власть в крепости захватил один невероятно ловкий болтун. — И это всегда очень некстати происходит.

— Про то и речь. — Адамс снова уселся на чурбачок. — Так-то мы прикрыты отлично. Со стороны топей ждать беды не стоит. Там тот еще монстрятник, одни древесные великаны чего стоят, но они на нас не попрут, мы им даром не нужны. Они стерегут свой лес, это я наверняка знаю. И если их не трогать, то агрессии от них ожидать не придется. Со стороны гор мы тоже надежно защищены, все проходы под контролем. А Великий каньон вообще как Форт Нокс, что с нашей стороны, что со стороны реки. Но вот Черная пустыня... Она огромна, ее не перекроешь кордонами.

Врать не стану, мысль о том, что с нами пойдет чужой человек, и вправду меня не очень грела, но политически это был очень верный ход. Во-первых, я окажу Адамсу услугу. Дружескую услугу. Ясно, что если он надумает в какой-то момент с нами немного повоевать, то эта услуга в зачет не пойдет, но, с другой стороны — на кой ему с нами конфликтовать? На того, кто надумал поставить весь мир на четыре кости, он не похож, а других поводов для обоюдного смертоубийства мне в голову не приходит пока. Границ общих у нас нет, дорогу мы нигде друг другу не переходим.

Во-вторых, общение с его человеком может быть для нас полезно. Совместное путешествие — оно сближает. Понятно, что совсем уж все тайны его эмиссар не выболтает, но лучше что-то, чем ничего. А если в дело пустить Голда, то он из этого товарища такое выжмет, о чем тот сам не догадывается. Что-что, а разбалтывать людей мой консильери умеет. И я сейчас не о пытках говорю.

Естественно, он и о нас узнает много чего, но, с другой стороны, нам скрывать особо нечего. Мы люди доброй воли.

Ну и наконец, это лишний ствол. Нам ведь и на самом деле непонятно, что там, за Великим каньоном, нас ждет?

— Но это не все, Сват, — как-то по-своему расценив мое молчание, снова заговорил Адамс. — Есть еще одно обстоятельство, то, что для меня даже поважнее безопасности Атом-сити будет. Может, там, куда вы направляетесь, найдутся мои мальчики. Мои сыновья. Знаешь, я их ищу с первого дня, я всю эту свою гребаную империю ради них выстроил, чтобы иметь максимальные возможности для поис-

ка. Я обшарил все свои земли, вел дела с этими вонючими кочевниками, но ни Стива, ни Марка так и не нашел. А вдруг они там, с той стороны, очутились? Не знаю, заметил ты или нет, но людей разбросало по этому миру не очень-то хаотично. Имеется в виду, тех людей, которые дороги друг другу и в той жизни были знакомы. Иногда они оказываются совсем рядом, иногда между ними десятки миль, но все равно у них есть шанс встретиться. Хоть один — но есть. Не знаю, кто сейчас управляет оттуда, с небес, всей жизнью человеческой, — искусственный интеллект, Господь Бог или два чокнутых алкаша-программиста, но они дали шанс каждому из нас. Скорее всего — один, но дали. И я использую его, поверь. Максимально использую! А потому прошу — помоги мне. Вдруг они там? Вдруг ты и есть тот промысел Божий, который никак нельзя прозевать?

— Да нет проблем, — кивнул я. — Хотя, конечно, с тем, что я чей-то там промысел, ты маханул. Все мы только человеки, а потому и поступать надо, как между людьми водится. К тому же ты, как мне думается, прав насчет того, как нас по миру разбросало. Вон тот здоровяк и вон та красотка в кепи — они ведь мои друзья, еще с юности. Да мы даже померли рядом на той Земле, в тот день, когда там случилось то, что случилось. Мы как раз текилу в баре пили, а потом бац — и я куда-то лечу. Так вот — я их нашел. Они оба были не сильно рядом от меня, но и не то чтобы очень далеко. И с другими такое же происходило.

— Про что и разговор, — обрадовался Адамс. — Скажу тебе так, Сват, — и в том-то мире случайностей не было, а в этом подавно все взаимосвязано.

— Слушай, а ты мне своих ребят описал бы, — попросил я его. — Может, все еще проще? Может, они у меня обитают? У нас есть американцы в крепости.

— Нет их у тебя, — отмахнулся Адамс. — Мои ребята уже у твоих все узнали и мне знак подали. Да не сопи, это же не секретная информация, правда? Так что, — берешь к себе на борт моего человека? Слово даю — славный парень. И боец неплохой, хоть и сопляк еще совсем.

— Сказал же — нет проблем, — пожал плечами я. — Тем более если хороший боец.

— Майк! — рявкнул Адамс, заставив меня вздрогнуть. — Пулей ко мне.

Через мгновение рядом с нами оказался светловолосый и синеглазый парень, тот самый, которого я помнил еще по отстрелу степняков в день большой заварушки у скал. Он тогда еще Марику «мэм» называл, и та пообещала ему за это челюсть свернуть.

— Завтра ты уходишь в путь вон на том корабле, вместе с людьми Свата, — сообщил парню Адамс. — Мой новый друг оказал мне очень большую услугу и очень большое доверие, согласившись включить тебя в ряды своей экспедиции. Поэтому знай, Майки-бой, если ты это доверие не оправдаешь, то я буду очень, очень расстроен. В этом случае не ты подведешь Свата и его людей, а я. Это на мое имя ляжет черное пятно, и на весь наш город. Ты понял меня, сынок?

— Так точно, сэр! — гаркнул Майк.

— Ты будешь выполнять приказы Свата так, как будто их тебе отдал я, — продолжил Адамс. — Теперь он будет за тебя решать, куда тебе идти и что делать. И если надо будет умереть — ты умрешь там и тогда, как тебе скажет он.

— Так точно, сэр, — повторил Майк.

— Все, ступай, — приказал ему Джон, подождал, пока парень удалится от нас к костру, а после уже другим тоном сказал: — Ему можно верить. Он немного глуповат, но это с возрастом пройдет. Зато смелости и верности ему не занимать, я его с детства знаю. С его детства, конечно. Мы с его стариком лет десять вместе на насосной станции работали, до тех самых пор, пока он не отправился на тот свет.

— А он, получается, знает твоих сыновей в лицо, — заметил я. — Очень хорошо, это снимает ряд проблем. Ну если только они с редактором не поиграли еще на той земле.

— Не поиграли, — заверил меня Адамс. — Я им сразу запретил такое делать. Все эти члены по колено и носы с руку длиной — не дело. Как и всякие модификаторы, к слову. Либо ты умеешь стрелять, либо нет, никакой модификатор не заменит рефлексы и инстинкты.

— Не соглашусь, — покачал головой я. — Бывают и полезные примочки. Мне встречались такие люди.

— Спорить не буду, по той причине, что ты уже назвал, — хмыкнул Джон. — Это тот вопрос, по которому у каждого из нас может быть свое мнение. Давай лучше еще выпьем за то, чтобы ты в этом походе нашел то, что нужно тебе, а я — то, что нужно мне.

— Хороший тост, — сообщил ему я, принял бутылку из рук собеседника и сделал из нее изрядный глоток.

— И повторюсь — в Майке не сомневайся, — выдохнув, сказал Адамс. — Он не струсит и не отступит.

— Он тебе сейчас заменяет сыновей? — утвердительно спросил я. — Ведь так?

— Так, — подтвердил Джон. — Но я все равно его отправлю с тобой. Потому что он единственный, кому я доверяю так же, как себе. И хватит об этом.

— Как скажешь. — Я встал с чурбачка и потянулся. — Слушай, а что за зло обитает в этой Черной пустыне? Ну ты упоминал — зримое, незримое...

— Есть такое. — Адамс сплюнул, а после втянул ноздрями воздух, было видно, что радости ему этот разговор не доставляет. — Зримое — это твари всякие. Скорпионы с человека размером, змеи, которые ядом шагов на двадцать плюют, сороконожка, на монорельсовый поезд похожая. Впрочем, еще там, в пустыне, какие-то существа живут, чем-то на нас смахивают, на людей. Две руки, две ноги... Правда, еще у них из башки шипы торчат, а глаза как линзы от бинокля, круглые и большие. И бегают они очень быстро, потому ни одного из них мы поймать не смогли. Да не особо и стремились. Но с этими хоть понятно все, если их свинцом угостить, то убить можно. А вот незримое...

Он замолчал, трубно сопя носом.

— Слушай, если говорить не хочешь, то не надо, — тактично согласился я. — Мне в эту пустыню не лезть, так что не травми себе душу.

— Тут дело такое... — Адамс хрустнул костяшками пальцев. — Мы сами не знаем, что там к чему. Помнишь, я тебе рассказывал, как пробовал пустыню пересечь? Со мной то-

гда отряд был, полтора десятка бойцов, все парни как на подбор, такие ни Бога, ни дьявола не боятся. Так вот, из пустыни вернулось их только восемь. Одного змеюка убила на привале, он на нее сдуру сел. Не заметил, что та в песке притаилась, она его за зад и цапнула. А еще пятерых Сэмми Смит прикончил. Он из всех самый здоровый был. Сидел-сидел у костра, молчал, галеты жевал, а потом встал, буркнул: «Повинуюсь, моя госпожа», и сразу после этого Пэтси Бычку, что по соседству с ним примостился, шею свернул, а затем у Луиса горло вырвал. Вот так прямо рукой вырвал, пальцами. Как такое вообще возможно — не представляю даже. Но я тогда об этом и не думал, потому как стрелять начал. И остальные тоже.

— И что? — жадно спросил я.

— Он еще троих успел убить, прежде чем помер, — буднично ответил Джон. — В него куча народу палит, и в грудь, и в живот, и в голову, — а ему хоть бы хны. Но даже не это самое жуткое. Сват, видел бы ты его глаза в этот момент! У него зрачков не было. Совсем. Совершенно. У него глаза как сваренные стали — белая муть, и больше ничего. Я так думаю, что это и вовсе не Сэмми тогда перед нами стоял, а какая-то тварь, что в него вселилась. Причем эту тварь на нас натравила какая-то другая, еще сильнее и мощнее. Кого-то же он «госпожой» называл?

— Ух! — только и сказал я.

— Вот тебе и «ух», — вздохнул Адамс. — Мы, как только его прибили, так сразу собрались и рванули по пескам к границе пустыни. Вообще-то по ней ночью лучше не кататься, там и зыбучие пески есть, и много всего другого, но уж лучше по дороге сгинуть, чем еще раз такое увидеть. И ведь что интересно — все потом вернулись, кто той ночью погиб, а Сэмми так и не вышел к людям. Как сгинул. Вот так-то.

— Жесть, — признал я. — Но все равно — интересно было бы глянуть на ваши края.

— Так в чем проблема? — усмехнулся Джон. — Я ведь тебя изначально хотел в гости зазвать. Нет, не прямо сейчас, дело есть дело, а потом, как обратно пойдешь. Ты имей в виду — я сюда время от времени своих ребят буду отправлять, вроде

как в дозор, глядишь, они тебя и встретят. А уж в Атом-сити мы тебя примем как полагается, не сомневайся! Выпьем, на багги покатаемся, к девкам ходим в «веселый дом», у нас такие почти сразу открылись. Еще на охоту тебя сводим к Великому каньону, чтобы ты его с обеих сторон посмотрел, или в Изумрудные топи сгоняем. А как нагостишься — с почетом и конвоем сопровождения тебя домой отправим через степь, на багги. С ветерком домчим.

— А в Мусорные горы ходим? — уточнил я. — Мне на них очень охота поглядеть.

— И туда прогуляемся, — веско пообещал Адамс. — Почему нет? Правда, надо момент будет подгадать подходящий, чтобы большинство Стражей в южный сектор ушли. А то подстрелят они тебя еще, а нам потом отвечай. Что ты смеешься? Знаешь, как они из своих пистолетов садят? Каждая пуля попадает туда, куда эта погань целится. И калибр у них сорок пятый, между прочим.

Возможно, я принимаю сейчас неправильное решение, но удержаться от такого соблазна совсем уж трудно.

Решено. Когда вернемся назад, отправлю «Василек» в крепость, а сам рвану в Атом-сити денька на три. Возьму с собой несколько человек и рвану.

Ну вот не думаю я, что это ловушка. Серьезно. И потом — что же мне теперь, всю жизнь сидеть под охраной своих людей и никуда не ходить? Это слишком скучно.

Черт, найти бы того, кому эту власть передать можно было, и вздохнуть после этого свободно. Мир так велик, в нем столько всего интересного...

И прямым тому подтверждением был тот же самый Джон Адамс. Тем вечером он много чего мне порассказал о мире, который находится за горами и так не похож на наш. Это и в самом деле был фронт, неподдельный и настоящий, в котором слабым было не место, но где было на самом деле очень интересно жить.

Впрочем, он с таким же интересом слушал и мои рассказы, благо в долгу я не остался. Я поведал ему о болотных тварях и о ловушке неведомой сущности из соснового леса, о том, какими скотами иногда бывают люди, о культуре Вели-

кого Речного Зверя, о возвышении и падении Каганата. Точнее, о том, как это выглядело с нашей стороны.

Про Новый Вавилон, правда, я упоминать не стал. Ни к чему это.

Увлечшись беседой, мы даже прозевали и тот момент, когда угомонились наши люди, и то странное, не сказать нереальное время, когда ночная темнота сменилась блеклыми туманными предрассветными сумерками.

А после, под неумолчный галдеж птиц, на небо выползло и яркое утреннее солнышко, разогнав остатки ночной хмари.

Следом за этим проснулся и Одессит, ночевавший по своей привычке прямо на борту «Василька». Сначала он там чем-то погромыхал, а следом за этим разбудил Азиза, который пару минут недовольно рычал и обещал кое-кому «голову оторви или деревяшка ее пробей». Зимбабвиец был у нас штатным кочегаром, других людей к корабельной топке наш бравый капитан отчего-то не подпускал.

— Рассвет, — негромко произнес Адамс, с удовольствием глядя на зеркальную гладь реки, а после заорал так, что я чуть с чурбачка не упал: — Подъе-о-о-о-ом! К оружию!

К чести наших людей, никто после этого вопля сонный не метался, не кричал: «А! Что? Где? У!» Все бодро вскочили, причем в полной готовности к бою, со стволами в руках.

И только часовые ухмылялись, глядя на все это. Они-то точно знали, что ничего страшного не происходит, но смотреть на растрепанных соратников было и вправду забавно.

— Ричи, мальчик мой, ты просто Док Холлидей какой-то! — с умилением сообщил Адамс одному из своих людей. — Ты правда хочешь палить из своего револьвера от бедра? Ты, кто в корову с пяти шагов не попадет?

Странное дело, но впервые за все это время мне не хотелось расставаться с теми, кто не относится к моей семье. Обычно я радуюсь тому, что переговоры закончены, они меня невероятно утомляют, даже несмотря на то, что и Салех, и Рувим по сути своей неплохие ребята. В том смысле, что с этими людьми можно делать дело и даже иногда поворачиваться к ним спиной. Нечасто, но можно.

Но они — другие. У нас разное мировоззрение и разная шкала ценностей.

Адамс же — он как мы. Мы из одной системы координат. Потому и ребята наши так быстро поладили, мигом найдя общий язык и охотно наворачивая уху из одного котла.

А с людьми Салеха тогда в ночной степи никто из моих бойцов толком даже словом не перекинулся, вот ведь какая штука. Да и ели они предложенную дичь в ту ночь, только чтобы не обидеть хозяев. Законы вежливости надо соблюдать.

Сборы были недолги, уже через полчаса, когда «Василек» бодро запыхтел, а из его трубы повалил светлый дым, мы с Адамсом на прощанье крепко пожали друг другу руки.

— Погоди еще чуток, Сват, — задержал Джон мою ладонь в своей. — Знаешь, мы ведь не обговорили компенсацию за то, что ты взял на борт своего судна моего парня.

— А в глаз? — Мне стало неприятно обидно. — Или давай я тебе за вчерашний виски патронов отсыплю. Вискарь здесь редкость, а ты на меня его извел.

Адамс довольно улыбнулся, а после удовлетворенно проворчал:

— Я так и знал, что ты так скажешь. Правда, думал, что до кучи «старым дураком» меня назовешь.

— У меня хорошее воспитание, — буркнул я. — Но в следующий раз — непременно назову.

— Знаешь, тогда и дарить я тебе ничего на прощанье не стану, — наконец отпустил мою ладонь Джон. — Перебьешься. А вот девочкам твоим я кое-что приготовил.

— Что, что? — завертелась на месте Марика. — Обожаю подарки! Мне с самой смерти никто ничего не дарил!

— Мне рассказали мои люди, что вы обе мастерицы пострелять. — Адамс придал лицу выражение из разряда «Санта-Клаус». — А вот хороших «плеток» у вас нет. Как по мне, это непорядок. Вот я вам и привез по неплохой «пукалке». Каждой!

Двое его бойцов тем временем отошли к багги, стоявшим неподалеку, и почти сразу вернулись, причем каждый нес в руках по снайперской винтовке. Не такой, как тогда, на ска-

лах, эти были менее массивными, но все равно было понятно, что «инструменты» нашим девочкам Адамс дарит вполне серьезные.

— Машинки британские, но очень неплохие, — голосом доброго дедушки продолжал вещать Джон. — До полутора километров бьет уверенно, дальше... Все зависит от мастерства стрелка и хорошей тренировки. Патроны вон в той сумке, отсыпал с запасом, так что попрактикуетесь, как время будет.

— Вещь! — Марика схватила одну из винтовок, присела, уперев приклад в траву, откинула и снова собрала сошки, после щелкнула затвором. — Вот прямо вещь! Еще бы лазерный прицел — и совсем счастье было бы!

— Не встречал, — развел руки в стороны Адамс. — Ни разу мне они не попадались. Но оптика на этой красотке одинаково эффективна и днем и ночью. Проверено. Ну, довольны?

— Настя! — Марика подмигнула своей напарнице, которая тоже восхищенно ахала, а после девушки дружно чмокнули Адамса в щеки — одна в левую, другая в правую.

— Оно того стоило. — Джон подмигнул мне, а после неожиданно хлопнул девчонок по упругим задницам и в голос захохотал, услышав их притворно-громкий визг. — День задался!

На том мы и расстались. «Василек» на прощанье заревел сиреной, Джон и его люди махали нам с берега руками. Впрочем, и мы делали то же самое, причем абсолютно искренне.

— Знаешь, что я тебе скажу, Сват, — негромко произнес Голд. — А ведь Салех врал.

— Когда именно? — уточнил у него я. — Полагаю, что он это делает так же часто, как дышит. Есть у меня такое подозрение.

— А когда рассказывал про нравы за Огненным кольцом, — пояснил консьюери. — Я еще тогда засомневался, что-то уж больно все кроваво выходит. Даже для Ковчеха кроваво. Девочек они там пытаются и убивают, рабов истязают,

за кусок хлеба друг другу глотки режут, только что младенцев не едят. И главное — ведь не проверишь сказанное никак.

— Кстати, да, — припомнил и я рассказы своего степного друга о жителях Атом-сити. — Было такое.

— Ну вот и скажи — похожи эти люди на оголтелое зверье? — Голд бросил взгляд на уже довольно далекие от нас фигуры обитателей фронта. — Как по мне — нет. Думаю, он просто не очень хотел, чтобы ты с ними сошелся накоротке. Салех умен, он давно тебя просчитал. При всей своей жесткости, с откровенными головорезами или кем похуже ты дела иметь не захочешь, и, значит, мостиком между вами будет он. А быть мостиком — это выгодно. Можно с обеих сторон пошлину собирать. Кстати, если бы не безумие кагана, так, возможно, оно и сложилось бы. По крайней мере — по началу.

— Народ, внимание! — услышали мы вопль Одессита. — Держись кто за что может, на случай полундры! Уже вот-вот!

Майк захлопал глазами, он не понял слов нашего капитана, но то он. Мы же притерпелись к его речи и смекнули, что «Василек» приближался к первой серьезной точке путешествия.

Еще пара минут, и мы войдем в проем между скалами.

ГЛАВА 3

Не скажу, что внутри не екало, когда «Василек», преодолевая усилившееся течение, скользнул в тот самый проем. В первую очередь конечно же было страшновато на предмет того, что проход между скалами будет сужаться. Наша разведка внутрь не заглядывала, так, повертелась маленько вокруг да около, не более того.

Ну и маленько надавило на психику то обстоятельство, что мы оказались в некоем подобии ловушки. Условном, конечно, но все же. Слева — скалы, справа — тоже они, ни тебе леса, ни тебе травы. Все вокруг стало светло-коричневым, и только небо над головой оставалось безмятежно-синим.

И — тишина. Только вода за бортом плещет, да Азиз что-то там, в машинном отделении, напевает на своем языке.

— Мрачненько, — наконец первой высказалась Марика, сдвинув кепи на затылок. — Но парни Адамса не соврали — высоченные горы-то, на такие даже со снаряжением не всякий заберется.

Горы. Пожалуй, да, это скорее горы, чем скалы. Чтобы хоть как-то разглядеть их верхнюю точку, приходится изрядно задирать голову вверх. Да и то у меня уверенности нет, что там на самом деле вершина.

— Маленько ход сбавлю! — проорал нам Одессит из рубки. — От греха. Сдается мне, что тут все же могут быть сюрпризы в виде неожиданных поворотов. Не дай боже в такой не впишемся — и все, привет, будем рыб кормить.

— Дурак, дурак, а предусмотрительный, — проворчала Марика негромко. — А еще умеет друзей приободрить, это тоже талант.

Майк, который скромненько устроился у левого борта и все это время помалкивал, застенчиво улыбаясь, негромко поинтересовался у Насти, о чем это сейчас сказал капитан. Русского атомщик не знал, а на английском наш Одессит не говорил из принципа. Не любил он его по какой-то личной причине.

— Обживается вроде пацан, — отметил Голд. — Опять же — коммуникабельный, не стал ждать, пока кто-то что-то объяснит. Это хорошо, это нам на руку.

Как я и предполагал, мой советник собирался вытрясти из парнишки всю информацию, какую только можно. Мирным путем конечно же.

Хвала небесам, ну или еще кому-то там, опасения Одессита остались только опасениями. Мы тихонько двигались вверх по течению, но никаких сюрпризов река нам не преподносила. Более того — часа через три русло даже стало шире, что нас очень порадовало. Ненамного, но все же. Поворот — это поворот, его хоть как-то, да можно миновать, а вот сужение — это беда. Я гробить наш корабль, если что, не дам, мне проще будет тогда назад повернуть.

Только вот делать этого очень уж не хочется.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	5
Часть вторая	148
<i>Эпilog</i>	278